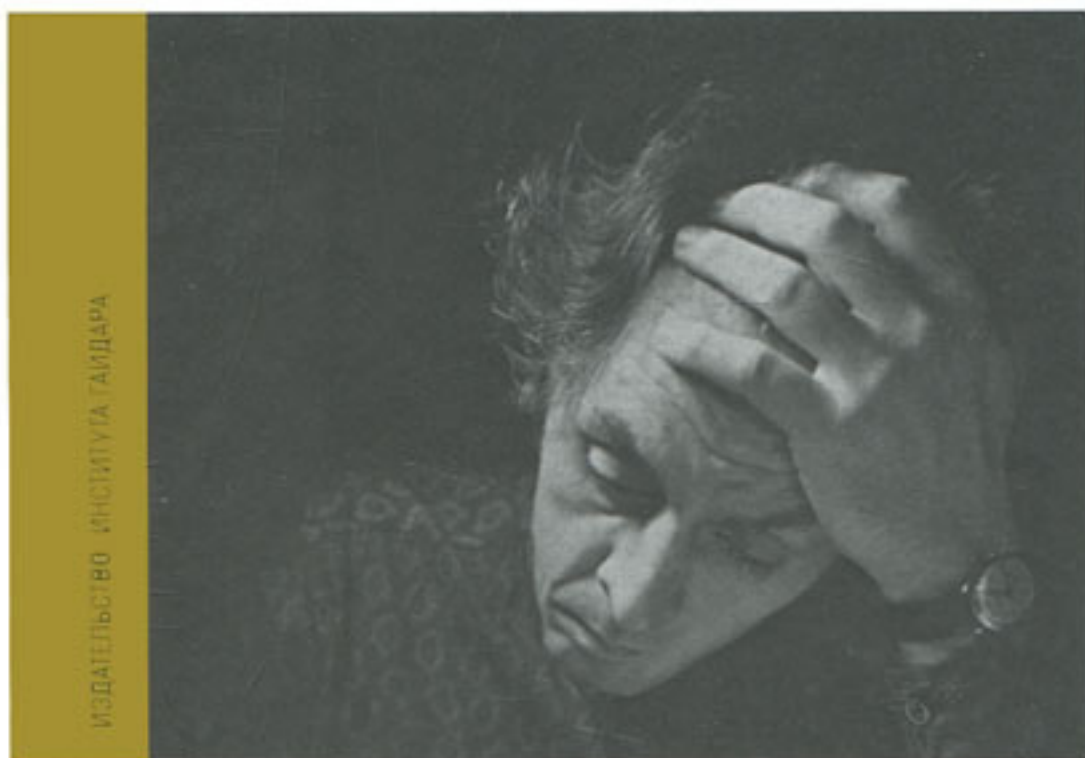

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАМДАРА

РОНАЛЬД ЛЭЙНГ

Между философией и психиатрией

Ольга Власова

Ольга Власова

**Рональд Лэйнг. Между
философией и психиатрией**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2012

Власова О. А.

Рональд Лэйнг. Между философией и психиатрией /

О. А. Власова — «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2012

Рональд Дэвид Лэйнг (1927–1989) – один из самых известных деятелей эпохи 1960-х гг. и самый популярный психиатр столетия после З. Фрейда и К. Г. Юнга. Его взгляд на природу безумия и революционная деятельность навсегда изменили облик психиатрии, его книги, выходявшие миллионными тиражами и переведенные более чем на двадцать языков, читаются, словно романы и манифесты, а его яркая индивидуальность до сих пор вызывает споры в среде биографов и критиков. Первая русскоязычная биография Лэйнга, построенная на оригинальных источниках, воссоздает канву его жизни и творчества, основные идеи его работ и проектов, представляя его фигуру в единстве множества образов – психиатра и антипсихиатра, философа и социального критика, гуру и революционера. Работа выполнена в рамках проекта «Социальная теория и социальная практика антипсихиатрии» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (№ 10-06-00078а).

© Власова О. А., 2012

© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2012

Содержание

Введение	5
Университеты	9
Корни	9
Детство и юность	12
Медицинский факультет	21
Климат эпохи, климат психиатрии	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ольга Власова

Рональд Лэйнг. Между философией и психиатрией

Введение

Рональд Дэвид Лэйнг, если смотреть на него с позиции биографа и критика, – великолепный материал. В его образе, жизни, работах и проектах было все, необходимое для яркой работы: «сумасшедшая мамаша», очарованные женщины и брошенные семьи, пьянство и провокационное поведение, наркотики и проблемы с законом. О нем можно сказать много общих фраз и придумать много общих определений, которые действительно подойдут под его образ. Он был мятежником и революционером, лидером контр культуры и гуру безумцев, философом и антипсихиатром, он повел за собой тысячи людей по всему миру, он был одним из самых известных интеллектуалов 1960-х гг. и уж точно самым известным психиатром своего времени, его книги выходили миллионными тиражами и были переведены более чем на двадцать языков, его образ не сходил с телевизионных экранов Великобритании, а на его лекции, словно на рок-концерты, собирались толпы людей. И что самое главное – он был одиночкой: одним из самых публичных и одним из самых одиноких людей своей эпохи. Все очень красиво, очень ярко и очень трагично. Все ровно так, как нужно.

Нет сомнения, и это прозвучит даже как-то хрестоматийно, что значение Лэйнга для психиатрии, для гуманитарной мысли, для культуры 1960–1970-х гг. неоспоримо. Ему действительно повезло. Своими работами он вскрыл кризис психиатрии, он попытался вывести проблему психического заболевания в широкое поле гуманитарного осмысления, он сделал так, что о ней заговорила общественность. Благодаря обращению к философии Ж.-П. Сартра, своими революционными идеями он показал, что проблема безумия, проблема инаковости и психической ненормальности является не только медицинской, но и политической, социальной, общественной. Он попытался преодолеть не только психическое, но и социальное отчуждение психически больных. В своей деятельности он выразил настроения бунтарской эпохи 1960-х, и организованные им психотерапевтические коммуны стали блестящим примером утопических проектов. В самом своем образе он нес независимость и свободу, верность идеалам и искреннее желание помочь. Он стал фигурой эпохи, которая воплотила все противоречия современной ему психиатрии и современного ему общества.

В пространстве осмысления психического заболевания, в пространстве выстраивания дискурса безумия среди мыслителей XX в. Лэйнга можно сравнить разве что с Мишелем Фуко. Ни одна из работ, которая хотя бы вскользь касается этой проблемы, не избегает упоминания его имени. Вокруг его фигуры объединилось множество идей, множество проектов, множество людей, благодаря которым мы совершенно по-другому смотрим на дискурс безумия.

Лэйнг – фигура во всех отношениях маргинальная, и маргинальность эта имеет свои плюсы и минусы. Он никогда не принадлежал ни к какой институции, политической партии, теоретическому направлению или отдельной науке, а его исследования всегда стояли или особняком, или на границе. Возможно, именно поэтому он был так популярен – поскольку говорил обо всем. Но, поскольку он говорил обо всем, ни одна наука до сих пор так и не признала его своим.

Кем он был? Психиатром? Да, по образованию, по области исследования. Да, представителем радикальной психиатрии, но не по принадлежности к лагерю, и поэтому множество психиатров отрицали в нем своего. Психоаналитиком? Да, он обучался в Институте психоанализа,

он прошел учебный анализ и практиковал как психоаналитик, но если положить его книги рядом с работами психоаналитиков, вряд ли можно увидеть сходство, к тому же в его кабинете на Уимпол-стрит не было ничего, что напоминало бы кушетку. Философом? Да, он воспринял традицию континентальной философии, он развивал в психиатрии идеи феноменологии и марксизма, но вряд ли когда-либо его имя сможет войти в разряд философов-классиков. Он был прикладником, хотя и говорил о фундаментальных проблемах. Психологом? Чаще всего именно это определение выбирают его исследователи, но был ли он психологом в самом деле... Он ненавидел гуманистическую психологию, хотя все чаще о его работах говорят именно в этом русле. Он не похож на среднего психолога XX в., поскольку его задачи были гораздо более глубокими, во всяком случае, он заплывал дальше, чем позволяют психологические буйки. Академические философы, психиатры и психоаналитики всегда вынуждены говорить о нем с какими-то оговорками и извинениями, словно бы оправдываясь за то, что вообще осмелились завести разговор. Как-то, действительно, повезло в этом отношении психологам, но это еще ничего не значит. В любом случае, ученому, который в научной книге говорит о человеке, собиравшем стадион там, где за неделю до него выступал Боб Дилан, организовывавшем коммуны и расширявшем свое сознание всеми возможными путями, всегда требуются смелость и обманные уловки, чтобы под оберткой научных гипотез Лэйнга протащить и все остальное.

Наверное, именно потому, что невозможно определить, к какому научному ведомству можно отнести его смелые идеи, на свете так много книг под незатейливым названием «Р. Д. Лэйнг». Лэйнг – это яркая фигура, которая маргинальна во всем и может быть адекватнее всего представлена только неразделенной. Лэйнг – это человек, о котором нужно рассказывать, рассказывать по порядку.

В силу этого традиция рассказа о Лэйнге – это очень давняя традиция. Моду копать в своей жизни задал он сам: в 1985 г. вышла его автобиография «Мудрость, безумие и глупость». Она охватывала лишь годы до выхода первой книги и предполагала вторую часть, которая так никогда и не была опубликована. Первые жизнеописания Лэйнга и первые критические работы появились еще при его жизни. В 1973 г. вышла книга «Р. Д. Лэйнг» Эдгара Фриденберга, в 1975 г. – «Социальная амнезия: критика современной психологии от Адлера до Лэйнга» Рассела Джакоби, в 1975 г. – «Шизоидный мир Жана-Поля Сартра и Р. Д. Лэйнга» Дугласа Кеснера, в 1976 г. – «Р. Д. Лэйнг: человек и его идеи» Ричарда Эванса, в 1977 г. – «Р. Д. Лэйнг: философии и политика психотерапии» Эндрю Коллира и «Р. Д. Лэйнг: творчество и его значение для социологии» Мартина Ховарта-Вильямса, в 1982 г. – «Психополитики» Питера Седжвика. Одновременно в 1971 г. выходит сборник «Р. Д. Лэйнг и антипсихиатрия», а в 1972 г. – сборник «Сойти с ума: радикальная терапия Р. Д. Лэйнга и др.».

Вторая, хотя и менее мощная, волна биографий и исследовательских работ пришла на середину 1990-х гг. Именно тогда, вскоре после смерти Лэйнга, появилась книга «Р. Д. Лэйнг: биография», написанная его сыном Адрианом Лэйнгом. Вышедшая в 1994 г., на настоящий момент времени она является наиболее полной и подробной и, несмотря на определенную пристрастность, считается эталоном. Ни одна из книг о Лэйнге не может избежать опоры на представленный в ней биографический материал. Адриан Лэйнг, будучи его сыном от первого брака, выстраивает, конечно, не очень позитивный образ своего отца. В его описании Лэйнг – пьяница и наркоман, скандалист и безответственный хиппи, бросающий на произвол судьбы своих жен и детей. Однако, если помнить о том, что автор – сын героя повествования, биография дает бесценный материал, учитывая и материалы так и не законченной автобиографии, доступ к которой был только у Адриана Лэйнга. В то же время вышел почти четырехсотстраничный сборник интервью Лэйнга с Бобом Малланом, записанных в течение последнего года его жизни, которые охватывают как биографию Лэйнга, так и его основные работы и проекты и позволяют узнать обо всем от него самого.

В девяностые же вышли авторские биографии Дэниэла Берстона («Крыло безумия: жизнь и творчество Р. Д. Лэйнга», 1996), Джона Клея («Р. Д. Лэйнг: расколотое Я», 1997), Збигнева Котовича («Р. Д. Лэйнг и пути антипсихиатрии», 1997), Боба Маллана («Р. Д. Лэйнг: персональный взгляд», 1999) и сборник «Р. Д. Лэйнг: творческий разрушитель» (1997). Двухтысячные показали изрядное затухание интереса к фигуре Лэйнга. Из того что можно было бы причислить к классике, можно назвать лишь книги Дэниэла Берстона («Суровое испытание опыта: Р. Д. Лэйнг и кризис психотерапии», 2000) и Гэвина Миллера («Р. Д. Лэйнг», 2004) и сборник «Р. Д. Лэйнг: современные перспективы» (2004). Разумеется, выходили и другие работы, но мы остановились лишь на том, что наиболее почитается лэйнговедами. В общем, немало, но, с другой стороны, и немного.

Так вот, все «эталонные» биографии отмечены пристрастным взглядом: Лэйнг оказывается то подлецом, то гением, – возможно, в силу слишком близкого расстояния, слишком важного значения его фигуры. И при прочтении всех этих историй неизменно хочется чего-то другого: истории, в которой образ можно рисовать самому, которая не уничтожает многообразия и которая будет не законченным портретом, а своего рода введением, наброском. В настоящей книге и представлена такая попытка истории о Лэйнге, истории его биографии, истории его идей. Здесь намеренно не принимается никакой отчетливой позиции, Лэйнг намеренно не представляется ни психиатром, ни антипсихиатром, ни философом, ни социальным критиком, ни психоаналитиком, ни психотерапевтом. Собственно, мы преследуем две задачи: 1) воссоздать основные вехи творческого пути Лэйнга в единстве биографии, идейного развития и практической деятельности и 2) попытаться представить все то многообразие образов, которые принимала его фигура в сознании современников.

Эта книга не обойдет всех тех ошибок и натяжек, которыми грешат «книги о...», и бессмысленно писать, что здесь кто-то старается избежать чего-то. Невозможно избежать психологизма, выстраивая биографию человека, который сам любил спекулировать на психологических мотивах своего творчества. Невозможно избежать сожаления и грусти, когда пишешь об одной из фигур эпохи шестидесятых – той романтической эпохи, у которой за душой еще что-то оставалось. Невозможно избежать легких ноток патетики, когда пытаешься рассказать о человеке, который всю жизнь стремился жить на грани. И нельзя не попытаться выстроить хотя бы мало-мальски цельный образ творчества и деятельности того, кто был одновременно всем и ничем из того, что о нем говорили, в конце концов, «книга о...» – это всегда попытка последовательного рассказа.

Нами была избрана герменевтическая стратегия изложения. Мы ставили своей задачей представить идеи и деятельность Лэйнга в контексте его собственных устремлений, в контексте деятельности его единомышленников, в контексте духа его эпохи. Мы постарались быть беспристрастными, в какой-то мере реализуя историко-культурный подход. Нам кажется, что наиболее адекватный образ Лэйнга получится в том случае, если мы будем смотреть на него как на фигуру шестидесятых, знаковую фигуру этой эпохи. Казалось, что это позволит избежать не всегда правомерных этических, политических, социальных, научных оценок. Лэйнг стал тем, кто во многом изменил сознание миллионов, он повлиял на интеллектуальный климат, на культуру, на развитие психиатрии, психологии, философии и других гуманитарных и общественных наук. Он – человек, который заслуживает отдельной книги.

Это не означает, что мы поддерживаем или осуждаем саму антипсихиатрию или идеи Лэйнга. Это не означает, что мы считаем необходимой или невозможной антипсихиатрическую практику. Сейчас, через полвека после выхода его первой книги, писать о Лэйнге, или писать об антипсихиатрии, означает осуждать или поддерживать, продолжать или критиковать позиции, действия, проекты. Лэйнг и антипсихиатрия во многом стали символами критицизма и радикализма, к которым принято относиться пристрастно.

Творчество Лэйнга стало рубежом в развитии европейской культуры и науки, поэтому мы предлагаем посмотреть на него именно как на рубеж, как на явление культуры. Мишель Фуко в своей работе «История безумия в классическую эпоху» настаивал на том, что отношение к безумию проливает свет на понимание человеком самого себя, на самоосмысление культуры. Однако мы забываем, что в своей эпистемологии он дошел лишь до XIX в., отметив, что говорить о современности будучи погруженными в нее мы не можем. Фуко и его «История безумия», так же как и Лэйнг с его Кингсли Холлом и «Разделенным Я», расширением сознания и попытками приблизиться к опыту безумцев, сам давно уже превратился в знак и выражение движения европейской культуры. Перефразируя Гуссерля, можно сказать, что на феномены нужно смотреть как на данность. Именно так в этой книге мы смотрим на творчество Лэйнга.

И последнее. Эта книга не претендует на создание сколь-либо завершенного образа. Все, что осталось за бортом, оставлено там намеренно, поскольку всякие биографические, аналитические, сопоставительные подробности могли бы перегрузить повествование. Эта книга только о Лэйнге – его жизни, работах и деятельности. Его многочисленные соратники по борьбе и идеям либо уже упомянуты, либо еще будут упомянуты в других наших работах. Это своеобразное введение, набросок интеллектуального портрета, что, как хочется верить, запустит последующее движение.

Университеты

Корни

Лэйнг происходил из типичной шотландской семьи. Как говорит он сам в автобиографии:

Семья моего отца считала себя потомками викингов, когда-то осевших в Северо-Восточной Шотландии. Но пришли они с севера более дальнего, чем Северо-Восточная Шотландия. Они пришли с дальнего севера и востока, из Скандинавии, возможно, из Норвегии. Семья моей матери считала себя потомками кельтов. Это были протестанты с юго-запада Шотландии. Со стороны отца у всех моих предков были голубые глаза, со стороны матери – темные. У меня глаза темные. Я часто думал, что моя мать выглядела почти как испанка, почти как еврейка¹.

Итак, предки со стороны отца происходили с северо-востока Шотландии. В середине XIX в. дед Лэйнга после женитьбы переехал в Стричен, деревушку в нескольких милях к юго-востоку от Фрейзербурга в Абердиншире, именно туда, где находится известный каменный круг Стричен. Его старший сын женился на местной девушке Изабелле Баркли и в поисках работы двинулся на юг, в Абердин. В Абердине у них родились шестеро детей, старший из которых – Джон (уже Лэйнг), военно-морской архитектор, – женившись на Энн Макнэр, породил четверых: Дэвида Парка Макнэра (отца Рональда), Изабеллу, Джона и Этель. Через некоторое время семья переехала в Гованхилл, южный район Глазго, где стала проживать по адресу Вестморелэнд, 21.

Бабушка по матери, Элизабет Глен, была австралийкой, семья ее владела фермой и разводила овец. Дед по матери, Джон Керквуд, в 1880-х гг. увез возлюбленную на свою родину, в Шотландию, в Ранкинстон (Эршир). Джон работал кассиром на местной угольной шахте, и здесь они и обосновались. В их браке родились Уильям, Арчи, Нетти, Сара, Амелия (мать Лэйнга) и Мизи. Впоследствии семья переехала на север, в пригород Глазго Уддингстон, а затем в Гованхилл на Гартак-стрит, неподалеку от Вестморелэнд, где проживали Лэйнги.

Гованхилл отделяло две мили от другого района Глазго – Горбалс, района трущоб, места проживания мигрантов из Италии и Ирландии, а также еврейского населения. Несмотря на то что Гованхилл граничил с Горбалс, это были совершенно разные районы. Гованхилл был районом рабочих среднего достатка, и в нем проживали в основном шотландцы.

Предки Лэйнга были ткачами, инженерами, мастеровыми (изготавливали керамику и расписывали фарфор), мелкими фермерами, учителями, архитекторами и священниками. Все они были шотландцами, и только одна из сестер матери вышла замуж за англичанина, к которому, как отмечает сам Лэйнг, в семье относились вполне учтиво. Лэйнг гордился этой шотландской кровью:

Я неисправимый типичный глазговчанин, типичный уроженец южного Глазго. Всякий глазговчанин отличит, что я не из Бирсдена, всякий сразу скажет, что я из южного Глазго.

А какие они, южные глазговчане?

¹ Laing R. D. Wisdom, Madness and Folly: The Making of a Psychiatrist. New York: McGraw-Hill, 1985. P. 41.

[смеется] Не знаю, не могу сказать. Я больше могу рассказать о том, каковы те, что из Келвинсайд, а Вы о том, каковы глазговчане из Саутсайд².

Начиная с конца XVIII в. только один образ и одно событие перебивало тихую череду рождений, жизней и смертей: в 1920-х гг. на семьдесят третьем году жизни³ дядя Лэйнга получил степень магистра искусств Абердинского университета – он был самым великовозрастным студентом университета за всю его историю. Была и еще одна, правда, «сказочная» семейная легенда: в семье рассказывали, что его двоюродным прадедом был Роберт Льюис Стивенсон. Лэйнг даже включил эту историю в первое издание своей автобиографии, но потом узнал, что это был всего лишь семейный миф: Роберт Льюис Стивенсон был единственным сыном в семье, братьев и сестер у него не было.

Биографы Лэйнга очень любят писать, что его семья была совершенно обычной пресвитерианской семьей среднеласников. Истории знакомства его родителей не сохранилась, известно лишь то, что в 1917 г. Дэвид Парк Макнэр Лэйнг, которому тогда было двадцать четыре года, сочетался браком с Амелией Глен Керквуд, двадцати шести лет. Они поселились на Ардбег-стрит, 21, приблизительно равноудаленной от места проживания обоих родительских семей. Семьи Лэйнгов и Керквудов не дружили, но и не враждовали друг с другом, просто Лэйнг считали, что Амелия – не партия их сыну, а Керквуды думали то же самое о Дэвиде.

Дэвид Лэйнг служил тогда младшим лейтенантом Королевского воздушного корпуса. Он был солидным и респектабельным молодым человеком: высоким, красивым, с армейской выправкой, всегда гладко выбритым и аккуратно подстриженным. Трудолюбивый и честный работяга, он начал свою карьеру в четырнадцать лет, в 1907 г., подмастерьем на судовой верфи Мэйверса и Кулстона на реке Клайд. В 1910 г. он вступил в Королевский танковый корпус, а затем в Королевский воздушный корпус, где и служил в Первую мировую войну, хотя в сражениях не участвовал. Впоследствии, ко времени рождения Рональда, Дэвид вышел в отставку и стал работать инженером-электриком в Управлении энергетики Западной Шотландии. Его зарплаты хватало, чтобы оплачивать аренду квартиры (пять шиллингов в неделю) и сносно питаться, не перебиваясь с хлеба на воду.

Амелия Керквуд была красивой и совершенной обыкновенной девушкой. Однако ее отношения с мужем нельзя было назвать счастливыми: «...Они проживали в одной квартире, вместе питались, были родителями одному ребенку, иногда делили одну постель. Помимо этого они делили общую эмоциональную пустоту»⁴. У Амелии была отдельная спальня и огромная двуспальная кровать, Дэвид спал на софе в гостиной или в задней комнате. Амелия всегда опровергала всякие сексуальные отношения с Дэвидом и, как пронизательно отмечает Адриан Лэйнг, если бы не родинка на колене у Рональда, точно такая же, как у Дэвида, можно было бы поверить в непорочное зачатие. «Сколько я себя помню, – вспоминал Лэйнг, – я всегда пытался разобраться, что же такое происходит между этими двумя людьми. Стоило мне поверить одному из них, и я уже не мог верить другому»⁵.

Лэйнг появился на свет после десяти лет супружеской жизни. Он был единственным внуком в отцовском семействе. Семья Амелии переживала тяжелые времена – отец был при смерти. Однако ее положение не отягощало семейную ситуацию: никто, ни Лэйнги, ни Керквуды, не знали о беременности (этот факт ей помогало скрывать широкое пальто), о ребенке они узнали уже после его рождения. «Если бы с ребенком что-то случилось во время родов,

² Mullan B. Mad to be Normal: Conversations with R. D. Laing. London: Free Association Books, 1995. P. 14.

³ Об этом возрасте говорит А. Лэйнг в биографии отца. Сам Лэйнг в интервью Маллану утверждает, что дяде на момент окончания было 75 лет.

⁴ Laing A. R. D. Laing: A Biography. New York: Thunder's Mouth Press, P. 23.

⁵ Лэйнг Р. Д. О важном: Эссе о чувствах, фактах и фантазии / Пер. с англ. С. В. Попова // Феноменология переживания. Райская птичка. О важном. Львов: Инициатива, 2005. С. 188.

никто в семье, кроме Дэвида и Амелии, не узнал бы о том, что он вообще был»⁶, – пишет Адриан Лэйнг.

Рональд Дэвид Лэйнг родился 7 октября 1927 г. на Ардбег-стрит, 21, в 17 часов 15 минут. Впоследствии Лэйнг говорил, что каждый день, ровно в 17.15 чувствует непреодолимое желание выпить водки.

Через два месяца умер отец Амелии, через год – мать Дэвида⁷. Так история предков стала уходить в прошлое, и началась совсем другая история – история Рональда Лэйнга:

В 17 час. 15 мин. 7 октября 1927 г. в семье моих родителей, проживавших вдвоем в маленькой трехкомнатной квартире на юге Глазго, родился я⁸.

⁶ Laing A. R. D. Laing: A Biography. P. 20.

⁷ Остался один дед, отличавшийся бурным характером и любовью к спиртному. Его стычки с Дэвидом доставляли постоянные неудобства семье. Лэйнг вспоминал: «Своего отца мой отец считал человеком, который „систематически“, год за годом, сживал со света его мать. В тот роковой день, когда, по словам моих родителей, „его нога в последний раз переступила наш порог“, в гостиной работало радио; дед уселся и сказал матери, чтобы она его выключила. Отец сказал, чтобы она не вздумала этого делать. Папаша, так называл деда мой отец, снова сказал, чтобы она выключила радио. Ну, и так далее в том же духе. В конце концов отец сказал: „Это мой дом, и радио здесь будет работать до тех пор, пока я не скажу, чтобы его выключили“. <...> Они сошлись: пятидесятилетний папаша и тридцатилетний отец. Они катались по всему дому. Наконец, мой отец уложил папашу поперек кровати и стал колотить его по физиономии, пока не хлынула кровь. Тогда отец поволок его в ванную, кулем перевалил через край ванны, обдал холодной водой, всего мокрого и окровавленного вытянул оттуда, поволок к входной двери, пинком выставил наружу и запустил вслед его кепку. Потом он отправился к окну, чтобы посмотреть, поползет тот на карачках или все-таки как-то исхитрится доковылять до дому. „А знаешь, он держался молодцом, – сказал папа. – Так и передай ему“» (Лэйнг Р. Д. О важном. С. 189).

⁸ Там же. С. 187.

Детство и юность

Лэйнг рос чувствительным ребенком. Впоследствии все годы его детства и юности, все их перипетии найдут отражение в автобиографии. И это время имело для его профессионального становления важнейшее значение. «Его карьера антипсихиатра, – отмечает Эдвард Подволл, – началась еще с колыбели. Трудно представить, что в его движении были какие-то масштабные реальные повороты, поскольку, кажется, оно было уже присуще ему с рождения»⁹. Но с этим первыми этапами жизни существует одна проблема: взгляд, который представляет сам Лэйнг, несколько отличается от того, что в его биографии представляет его сын Адриан. Поскольку уже не установить, кто прав, кто виноват, мы будем учитывать обе версии.

Если верить самому Лэйнгу, его детство было глубоко несчастным, и главным виновником тому он считал свою излишне сдержанную и безэмоциональную мать. Адриан Лэйнг пишет: «Вне зависимости от материальных привилегий, которые ему давались, он был погружен в мир полной растерянности и неопределенности. Он переживал эмоциональную депривацию, и этот факт он открыто признавал на протяжении всей жизни. Хотя Амелия, без сомнения, очень любила своего сына, эти чувства к Рональду (так она его всегда звала) она выражать не умела. Поэтому, когда Лэйнг вырос, он всегда был склонен представлять Амелию как классическую помешанную мамашу. Очень грустно, что близких отношений у них не наладилось и тогда, когда Ронни стал подростком. Амелия считала, что он пошел по кривой дорожке. Даже когда Ронни было около пятидесяти, посещения матери продолжали оставаться для него чрезвычайно болезненными. <...> Действительной проблемой, бывшей одной из черт характера Амелии, была ее неспособность выражать любовь к другому человеку, даже к своему единственному сыну»¹⁰.

Сам Лэйнг характеризовал свою мать лишь в негативных тонах:

...Озлобленная женщина, которая вышла замуж за моего отца и считала, что он мог бы заработать больше и вытащить ее из того ада, в котором она жила...¹¹

Она ничего не читала, я имею в виду книги, а не чтение вообще. Она читала Глазговскую газету и иногда слушала радиопередачи, и все. Она никогда не ходила в церковь, я никогда не слышал, как она поет или хотя бы что-то насвистывает или издает какие-либо звуки, кроме слов, да и на последние она была крайне скупа [смеется]¹².

Я не упоминаю, чтобы моя мать когда-либо просто так, по крайней мере, на ее взгляд, обняла меня, она *никогда* или *почти* никогда не целовала меня¹³.

Отец оставил у Лэйнга более теплые воспоминания. Он был религиозен и считал себя христианином, однако одновременно поддерживал и научный гуманизм, симпатизируя идеям Юлиуса Хаксли. В отличие от матери у него было увлечение, которое захватывало его целиком, – музыка. Он мечтал о Ковент-Гардене, но, к сожалению, его голос не подходил для сцены, и в течение более чем двадцати лет он был ведущим баритоном в хоре часовни университета Глазго.

Амелия играла на фортепьяно, хотя делала это крайне плохо, а после рождения Рональда и вовсе отказалась аккомпанировать Дэвиду, поэтому музыке учился маленький Рональд, и

⁹ Podvoll E. An Interview on R. D. Laing // Journal of Contemplative Psychotherapy. 1990. Vol. VII. P. 113.

¹⁰ Laing A. R. D. Laing: A Biography. P. 22.

¹¹ Mullan B. Mad to be Normal. P. 20.

¹² Ibid. P. 25.

¹³ Ibid. P. 35.

эта музыка всю жизнь связывала его с отцом. Пик музыкальной карьеры Дэвида пришелся на 1931–1932 гг., Рональду было тогда четыре: 21 февраля 1932 г. он выступал на одном из постоянных вечеров в Сент-Эндрюс Холл в Глазго.

Дэвид любил рассказывать сыну и об еще одном значимом событии своей жизни – о встрече с Альбертом Швейцером: «Альберт Швейцер... он был очень впечатлен той встречей со Швейцером, которая случилась, когда я был еще ребенком. Швейцер посетил Глазго и дирижировал хором часовни университета Глазго, и отцу посчастливилось тогда прогуливаться с ним»¹⁴.

У Лэйнгов была маленькая квартирka: спальня, гостиная, кухня и задняя комната, в которой спал Дэвид. Рональд спал в одной комнате с Амелией, на разных кроватях: она – на шикарной двуспальной кровати, он – на обычной односпальной. Повзрослев, Рональд переместится в заднюю комнату, а отец будет спать в гостиной. Воспитывали Лэйнга в строгости:

Меня учили не ковыряться в носу; не сутулиться на стуле; не ковыряться пальцем в ушах; конечно же, не сосать пальцы; не раскрывать рот; не мямлить и не бормотать себе под нос; не чавкать; не пить из блюдца, уже не говоря о том, чтобы пролить что-либо; подносить чашку ко рту (а не рот к чашке), держа ее двумя пальцами; правильно сморкаться; как чистить зубы; расчесываться; завязывать шнурки на узел, всегда держать носки прямо; как должным образом испражняться и как правильно вытирать задницу; не закатывать глаза; как правильно говорить; когда и о чем в каком тоне говорить, например, не монотонно, или что нельзя произносить около полудюжины запрещенных слов и всякие вульгарные словечки¹⁵.

Из ранних лет жизни Лэйнга вряд ли можно упомянуть что-либо примечательное. Он рос, как и все маленькие дети, за тем лишь исключением, что его мать не выражала в отношении к нему никаких эмоций, отсутствия эмоциональных привязанностей она требовала и от него. Однажды, когда ему было около пяти лет, Амелия подарила ему дорогой игрушечный автомобиль: это был предел мечтаний для мальчика его лет. В машину можно было забираться и ездить на ней, приводя ее в движение с помощью специальных педалей. Рональд был на седьмом небе от счастья, но счастье это оказалось недолгим. Амелия сожгла его любимую деревянную лошадь, его лучшего друга, будучи убежденной, что он был слишком привязан к этому «куску дерева». Радость обернулась горем. Амелия вообще не очень одобряла его привязанности:

<...> Как-то у нас жил волнистый попугай.

Кто его завел, твоя мать?

Да, но все было не так просто. Я был очень привязан к этому волнистому попугайчику, но однажды он заболел, и когда я вернулся из школы, я обнаружил, что она выбросила его, взяла его газетой и выкинула в мусорку, где виднелась его зеленая спинка¹⁶.

В Рождество 1932 г. Лэйнг пережил первый экзистенциальный кризис. Именно тогда, в пять лет, родители рассказали ему, что Санта Клауса не существует. Вот как описывает это событие он сам:

Я верил в Санта Клауса. Наступило Рождество после того, как мне исполнилось пять. <...>

¹⁴ Ibid. P. 38–39.

¹⁵ Laing R.D. Wisdom, Madness and Folly. P. 45–46.

¹⁶ Mullan B. Mad to be Normal. P. 17.

Всю ночь я боролся со сном, только чтобы встретиться с ним. Но все равно заснул, и когда проснулся, стал, как обычно, с досадой искать подарки от Санты.

Моя мать потом рассказала мне, что она в течение часа несколько раз пыталась доползти до моей кровати и назад, пока я боролся со сном.

«Как Санта Клаус принес сюда эти подарки?» За завтраком я почти обезумел. Мои родители подождали немного, чтобы я догадался сам. Но я не мог ничего предположить.

«Подумай сам, – сказали они, – мы не хотели тебе этого говорить. Кто такой Санта Клаус?»

Я сдался. «Кто такой Санта Клаус?»

«Это мы!»

«Как вы?» Я никогда не мог такого даже предположить.

Я видел, что мать с отцом сидели, смотрели на меня и ждали, когда я поблагодарю их за эти замечательные подарки. Но я не смог. Я был ошарашен. Я почувствовал ком в горле. Санта Клаус – это *они*. Я возненавидел и Санта Клауса, и их за то, что они оказались одним лицом. Я был огорчен, я не мог быть им благодарен. Я сказал «спасибо». Но игрушки больше меня не интересовали.

Миллионы детей «узнают» о Санта Клаусе и ничуть не расстраиваются по этому поводу. Но я был действительно в панике. Почему? Для меня пятилетнего это был настоящий интеллектуальный кризис. <...>

После этого инцидента я больше не мог поверить во что-либо, если мне об этом говорили. Я верил в Бога и в Иисуса, может быть, даже меньше, чем в Санта Клауса.

Я верил, что они существуют, потому что мне сказали, что они существуют. Я верил в то, что мне говорили. До этого момента со мной такого никогда не происходило.

Я получал игрушки от Санта Клауса, потому что так говорили мне мои родители. Игрушки приносил Санта Клаус, и Санта Клаус был Санта Клаусом, кем бы он ни был. Если Санта Клаус – это не Санта Клаус, то нет никакого Санта Клауса. Они сказали мне, что Санта Клаус – это они. Если Санта Клаус – это они, то нет никакого Санта Клауса. Если они – это Бог, то нет никакого Бога.

В следующее Рождество я расколотил все игрушки, которые они подарили мне¹⁷.

За год до этого первого опыта столкновения с реальностью Рональд пошел в школу. Поскольку ни Дэвид, ни Амелия не имели хорошего образования, они решили дать его своему сыну. Местная начальная школа была сразу же отвергнута как несоответствующая их требованиям. Они выбрали школу Катбертсона, куда 2 мая 1932 г. в возрасте четырех лет и был принят Рональд.

«Кабби», как называли это учреждение, была достаточно приличным заведением, высоко ценилась в округе и давала хорошее начальное образование в пресвитерианском духе. В школе училось около восьмисот учеников, но директор Джеймс Рид знал каждого из них. Здесь учили писать и считать, декламировать стихи и рассказы, петь и, разумеется, молиться. Рональд был очень послушным воспитанником и закончил это заведение безо всяких проблем. Любимыми

¹⁷ Laing R.D. *Wisdom, Madness and Folly*. P. 54–55.

его книжками тогда были иллюстрированная энциклопедия мировой истории и иллюстрированная история мировой литературы. Он начал читать их, когда пошел в школу.

Одновременно Дэвид Лэйнг задумался и о музыкальном образовании для своего сына. Что неудивительно, ведь Рональд мог стать для него аккомпаниатором. Дэвид выбрал музыкальную школу Джулии Оммер, специализирующуюся на обучении маленьких детей, и Рональд с терпением и усердием будущего пианиста приступил к занятиям. «Моя жизнь проходила между школой, домом, музыкой, воскресной школой и играми»¹⁸, – впоследствии будет вспоминать он. Это была беззаботная жизнь маленького мальчика, тогда, по его собственному признанию, ее омрачали только синяки.

Лэйнг любил вечера у камина. В зимний вечер, после уроков, музыкальных занятий и чтения, ему нравилось сидеть у огня, вглядываясь в его языки:

Когда я смотрел на огонь, я погружался в него и растворялся в нем. Я не дремал. Это не было похоже на сон. Я проделывал это для хорошего сна. Но также можно сказать, что я засыпал для «созерцания огня». Спустя несколько лет я с удивлением обнаружил, что этот процесс, этот уход от ясности сознания посредством чистого сосредоточения является широко практикуемой формой медитации.

Я имел обыкновение в течение долгих часов сидеть рядом с моей матерью и вглядываться в то, что происходит за окном. Так, смотря за окно, я проводил тогда столько же часов, сколько мои дети тратят теперь на просмотр телевизора.

Это окно было односторонним экраном¹⁹.

В детстве у Лэйнга почти не было друзей. До того как он пошел в школу, его ни разу не выпускали поиграть на улице, сверстники, за редким исключением, не приходили и домой. Он был домашним ребенком. И вместо тихих семейных вечеров с дедушками и бабушками, вместо друзей родителей и застольных бесед дом постоянно был наполнен музыкой:

За все свое детство я не припоминаю ни одного раза, когда у нас бы собрались взрослые, просто для того, чтобы посидеть и поболтать... <...> Ничего похожего ни в нашем доме, ни где-либо еще, поскольку я не слышал об этом, не было. Я в полной мере наверстал это позже, но вместо этого была музыка, – более чем выгодный обмен. Если бы мне предложили выбрать между разговором или пением, я предпочел бы пение. Беседа казалась мне лишь вырождением пения, партией без мелодичности, тембра, ритма и слуха. Только музыка разворачивается, ослабевает и умирает. Да, только пение и музыка были *живыми*²⁰.

У Лэйнга были великолепные музыкальные данные. Все – и он сам, и преподаватели – были уверены в абсолютном слухе. В десятилетнем возрасте сделали ряд тестов, которые один за другим подтверждали эти предположения, пока на одном из них он не ошибся. Тест повторили, повторилась ошибка. Это было провалом. Никто не мог поверить в это, и никто не понял, было ли это действительной ошибкой, или мальчик просто не понял, что от него требовалось. Уже в зрелом возрасте, досадуя об этой промашке, сам Лэйнг будет говорить, что до сих пор не может понять, как это могло случиться.

26 июня 1936 г. в возрасте восьми лет Лэйнг закончил начальную школу, и перед родителями встал вопрос о выборе средней. Все-таки он был лучшим в воскресной школе: пунк-

¹⁸ Ibid. P. 57.

¹⁹ Ibid. P. 63.

²⁰ Ibid. P. 65–66.

туален, трудолюбив и очень прилежен, необходимо было поддерживать планку. Выбор пал на среднюю школу для мальчиков Хатчесона. Основанная еще в XVII в. Джорджем и Томасом Хатчесонами и существующая до сих пор, «Хатчи», в те времена входила в пятерку наиболее престижных школ Глазго. Для того чтобы обучаться здесь за государственный счет, необходимо было сдать вступительные экзамены, но могли оплачивать обучение и родители. Лэйнг выдержал экзамены и к радости гордых за него родителей стал учеником этой школы.

Лэйнг учился в «Хатчи» с 1936 по 1945 г., в годы Второй мировой войны, и, несмотря на удаленность Глазго от линии фронта, учения на случай нападения немцев были обычным делом. В 1941 г. в результате воздушного налета была разрушена греческая церковь близ Королевского парка, неподалеку от улицы Ардбег, где жили Лэйнги, поэтому от страха он не мог избавиться еще многие годы. Кроме того, «Хатчи» располагалась на Кроун-стрит – в самом сердце Горбалс, и это всегда беспокоило Амелию. Уличные банды Горбалс держали учеников в постоянном страхе.

В «Хатчи» преподавали математику и географию, греческий и латынь, историю и английский, рисование и физкультуру. Классическое образование включало чтение греческих философов и историков на языке оригинала, ученики знакомились с произведениями Гомера, Софокла, Еврипида, Эсхила, Овидия, Аврелия Августина, Св. Франциска Ассизского, Платона, Аристотеля, с жизнеописаниями римских императоров, киниками и скептиками, работами Плотина и отцов церкви, сочинениями протестантских теологов.

Лэйнг прилежно учился, добиваясь немалых успехов и всегда входя в четверку лучших учеников класса. Он с легкостью осваивал предметы и иногда участвовал в спортивных состязаниях, играя в регби, а также по настоянию отца брал уроки бокса. Последние, однако, были недолгими, поскольку отец вскоре понял, что для музыкальных рук Рональда бокс представляет немалую угрозу. От увлечения регби в скором времени тоже пришлось отказаться: перелом восьми костей левого запястья и повреждение ключицы могли поставить крест на его карьере. По счастью, все обошлось, но занятия спортом Лэйнг вынужден был прекратить.

Результаты выпускного экзамена говорят о том, что наиболее успешно Лэйнг освоил греческий, латынь, английский и историю. Географию он не любил из-за неприятия ее учителя, с математикой тоже были проблемы. Он успешно учился до четвертого класса, затем, как он сам выражается, «впал в математическое слабоумие»: был способен производить арифметические расчеты, но всегда допускал ошибки и вообще не мог понять, что есть число. Это непонимание математики сопровождало Лэйнга на протяжении двадцати лет, пока он не познакомился с Джорджем Спенсером-Брауном и не понял, что те вопросы, которые его мучили («Что есть число?», «Можно ли извлечь квадратный корень из отрицательного числа?», «Отличаются ли 0 и 1 так же, как 1 и 2?»), как раз и являются предметом математики.

Во время обучения в средней школе шла вверх и музыкальная карьера Лэйнга. 30 марта 1944 г. в возрасте 16 лет он стал лицензиатом Королевской консерватории. Директор «Хатчи» с гордостью поздравил его с этим достижением перед всей школой на утреннем собрании учеников. В 1945 г. он стал ассоциатом Королевского музыкального колледжа. Он любил классику, но уже в школьные годы Джулия Оммер познакомила его с джазом, который тогда был на пике популярности. Чуть повзрослев, Лэйнг покупал пластинки, посещал джазовые концерты и вечеринки и иногда позволял себе наиграть какой-либо джазовый фрагмент. К классике, тем не менее, он всегда тяготел больше.

Наравне с музыкой одним из увлечений юного Лэйнга стало чтение. Из окна его комнаты была видна Гованхиллская публичная библиотека, крышу которой украшал каменный ангел. Для Рональда все годы юности этот ангел олицетворял мудрость, истину и дух свободы. Именно там, в этой библиотеке, он проводил долгие часы и целые дни школьных каникул. Так у него развилась любовь к книгам и желание их писать:

Я погрузился в бездны библиотеки, от «А» до «Z», после того как сломал левое запястье, долгое время носил гипс и не мог не только играть на фортепиано, но и бегать, играть в регби и гольф, гонять на велосипеде. Я читал. На этом пути я повстречался с Фрейдом, Кьеркегором, Марксом и Ницше. В том, что они писали, я находил беспокоившие меня идеи. Я испытывал безмерную благодарность по отношению к книгам, библиотекам, авторам этих книг, учредителям и организаторам публичных библиотек. Я хотел стать писателем, или, скорее, я верил, что я *был* таким же писателем, как и они, и что у меня есть своего рода долг, призвание стать писателем. Я решил, что к тридцати я должен обязательно издать свою первую книгу²¹.

Лэйнг вспоминал, что, когда он читал Ницше, Фрейда и др., всегда обращал внимание на то, когда эти люди написали свою первую книгу. «...Например Хевлок Эллис, – говорил он, – написал в своей биографии, что, когда ему было девятнадцать, он решил, что в тридцать он уже издаст свою первую книгу. Так я подумал: „Отлично, и я не буду отставать“ [смеется]»²².

В Гованхиллской библиотеке была хорошая коллекция философской и классической литературы, поэтому почитать Лэйнгу было что, и обретенная в этих стенах начитанность впоследствии будет поражать его собеседников. В интервью с ним Боб Маллан удивляется тому, сколько уникальной философской литературы хранила эта библиотека:

Это просто поразительно, что в конце 1940-х гг. ты мог прочесть Фрейда, Ницше, Кьеркегора и прочее в маленькой публичной библиотеке...

Да, это удивительно. Я не был знаком ни с кем еще, кто читал бы это, но в Гованхиллской публичной библиотеке была копия „Или... или...“. <...>

Что из Фрейда ты прочел первым: его первые лекции, «Психопатологию обыденной жизни»?

В библиотеке было пять томов, изданных Hogarth Press...

Да, хорошая библиотека, ничего не скажешь!

Да, я не знаю, кто был библиотекарь, но все это у них было. Во всяком случае, был университетский перевод Ницше и было первое издание Фрейда в пяти томах²³.

В этой удивительной библиотеке Лэйнг прочел Фрейда, Маркса, Ницше, Кьеркегора и много античной классики.

В детские годы Лэйнга определенную роль играла и религия. Семья Лэйнгов исповедовала пресвитерианство и была окружена пресвитерианами. В автобиографии Лэйнг рассказывает, что в четырнадцать лет его отец пережил глубокий религиозный опыт: однажды, когда он лежал в своей постели, но еще не спал, ему явился ангел и поцеловал его в лоб. Дэвид считал, что этим поцелуем он благословил всю его жизнь. Он не был догматиком, но вместе с сыном часто обсуждал вопросы веры: «Бог существует? Да, – ответил отец. И какой же он? Он – идеализированное понимание человеком своего собственного образа. Тогда ты атеист. Ничего подобного»²⁴. На религиозное мировоззрение отца повлиял дед Рональда, т. е. отец Дэвида, который был спенсерианцем, эволюционистом, материалистом, агностиком и, как подчеркивал впоследствии сам Лэйнг, возможно, даже и атеистом. Людей других вероисповеданий в детстве Рональд практически не встречал: только Глэдис, аккомпанировавшая его отцу, принадлежала епископальной церкви, а Джулия Оммер, учительница музыки, была католичкой.

²¹ Ibid. P. 87.

²² Kelly D. An Interview with R. D. Laing / Audio Colloquies. London: Harper & Row, 1987.

²³ Mullan B. Mad to be Normal. P. 94, 101.

²⁴ Laing R.D. Wisdom, Madness and Folly. P. 84.

Тем не менее до четырнадцати лет воспитание Лэйнга проходило в религиозном ключе. Ежедневно (по крайней мере, до семнадцатилетнего возраста) отход ко сну предваряла молитва – с закрытыми глазами, склонив голову и сложив руки:

Я засыпаю, Господи, храни мою душу. Если я умру до того, как проснусь, прими, Господи, мою душу к себе. Благослови, Господи, мамочку и папочку и маленького Ронни и сделай так, чтобы маленький Ронни был хорошим мальчиком ради Иисуса. Аминь²⁵.

В четыре года маленький Рональд стал посещать воскресную школу, и именно в ней он получил свои первые награды: за успехи в учебе и хорошее поведение в течение года и за самое быстрое в классе (40 секунд) перечисление без запинок и ошибок книг Библии от «Бытия» до «Откровения».

В возрасте десяти-одиннадцати лет Лэйнг посещал подростковый центр ковенантеров в Вест-Энде. В четырнадцать, летом 1939 г., благодаря им он провел первые каникулы вне стен дома. Ковенантеры, будучи одной из ветвей пресвитерианства, брали на себя роль воспитания взрослых подростков. Они всячески ограждали мальчиков от контактов с девочками (дьявольским промыслом признавались даже парные бальные танцы) и других греховных вещей, например, кинематографа.

В четырнадцать лет проблемы религии (преподававшиеся раз неделю) в школе стал вести учитель, считавший себя агностиком. Он рассказывал ученикам, что о существовании Бога нельзя сказать ничего определенного, что подлинность Библии носит вероятностный характер, он не верил в Иисуса и говорил о том, что многие известные и по-настоящему мудрые люди не верили в Бога: Сократ, Будда и т. д., о том, что за порогом смерти существование прекращается. Эти поднятые учителем проблемы стали для Лэйнга откровением. Он стал сомневаться в незыблемости религиозных истин и постепенно отошел от религии:

Я рос веря, как мне кажется, во все, что мне говорили.

Я верил этому, потому что мне так говорили. Но мне не хотелось прожить жизнь, веря во что-то, как мне сказали, только потому, что мне так предписывали²⁶.

Тогда, в годы учебы в «Хатчи», Рональд был спокойным и по-прежнему домашним ребенком, не ходил на футбол (а такое времяпрепровождение было типичным для его сверстников), у него было мало друзей и его совершенно не интересовали девчонки. Он был даже слишком примерным:

Я припоминаю, что матерное ругательство прозвучало в нашем доме только однажды, и употребил его я, сказал что-то вроде: «Да и вообще, ебть, он что-то слишком много на себя берет». Мне было тогда пятнадцать лет, но я все еще не имел ни малейшего представления о том, что это значит. В тот миг, когда над головой моей матушки грянуло вышеупомянутое слово, она стояла на фоне этаких, знаете, цветастеньких обоев. Кровь отхлынула от ее щек, лицо стало пепельно-серым, и, отшатнувшись к стене, она плавно сползла на пол. Мой отец был настолько ошарашен, что ему и в голову не пришло ударить меня, его хватило только на то, чтобы сказать с дрожью в голосе: «Никогда, никогда, слышишь, никогда больше не смей произносить этого слова в стенах этого дома»²⁷.

²⁵ Ibid. P. 81.

²⁶ Ibid. P. 85.

²⁷ Лэйнг Р. Д. О важном. С. 190–191.

Обычно, возвратившись из школы, Рональд делал домашнее задание, читал, занимался музыкой, иногда слушал радио:

Мой отец приходил домой где-то между половиной шестого и шестью, около половины седьмого мы пили чай, потом после чаепития я делал домашнюю работу или играл на фортепиано, а затем в положенный час, как и все дети, ложился спать; сначала это было часов девять, потом половина десятого, десять и к возрасту 16–17 лет половина одиннадцатого. После этого я был предоставлен самому себе. Я шел в свою комнату, родители, конечно, интересовались мной, но никогда не следили, чтобы я ложился спать по часам. Разумеется, каждую ночь в моей комнате горел свет, но они никогда не входили ко мне²⁸.

Родители были убеждены, что их сын достоин большего, и пристально следили за увлечениями Ронни. Эта забота иногда доходила до абсурда: вплоть до пятнадцатилетнего возраста во время принятия ванной Амелия терла спину сына, и успешная попытка прекратить этот ритуал в пятнадцать лет сопровождалась бурным скандалом:

Когда мне исполнилось пятнадцать, ванная приносила мне жуткие переживания. Моя мать всегда терла мне спину. Тот фрагмент, который она терла, и время, которое она на это тратила, постепенно сокращались, и, в конце концов, она терла маленький участок между лопатками в течение нескольких секунд. Однако, чтобы сделать это, она должна была зайти в ванную.

Я волновался, что когда она заходила, она могла случайно увидеть недавно появившиеся на моем лобке волосы, я намыливался ниже пояса (если я мылился весь, я должен был смыть все перед этой процедурой) или делал так, чтобы вода в ванной была непрозрачной.

Детали этой процедуры были оговорены нами заранее. Она не разрешала мне запираť дверь изнутри. У меня было право позвать ее, когда я был готов.

Она же не должна была заходить до того, как ее позовут, а зайдя, сделать необходимое и уйти.

Предлогом тому было то, что я не мог полностью вымыть свою спину, и если вся она не была вымыта, то на ней могло появиться пятно, и разрастись сыпь.

Я все сильнее и сильнее чувствовал унижение. В конце концов я закрылся на задвижку. Моя мать стояла за дверью и колотила в матовое стекло. Вскоре, угрожая выломать дверь, она перешла к крикам (Сейчас же открой дверь. Я кому сказала. Я твоя мать. Открой дверь), к истеричным воплям и визгу.

В этот момент отец оттащил ее от двери. Она по-прежнему орала и визжала и не отступала в своем намерении. Тогда он наорал на нее: «Если ты не замолчишь, я выйду на лестничную площадку и буду орать во все горло, пока не соберутся соседи!» Это подействовало. Она успокоилась. Я вышел из ванной.

Я очень благодарен отцу, что в этой ситуации он встал на мою сторону. Если бы он тоже потребовал открыть дверь, это было бы ужасно²⁹.

В 1945 г., незадолго до завершения Второй мировой войны, Лэйнг окончил среднюю школу, и встал вопрос о выборе пути. Он был хорошо образован и необычайно музыкально

²⁸ Mullan B. Mad to be Normal. P. 28.

²⁹ Laing R. D. Wisdom, Madness and Folly. P. 74–75.

одарен, причем в музыке он уже достиг немалых успехов. Успехи в школе подтверждали две награды: «Анатомия Грея» и двухтомник «Краткого Оксфордского словаря английского языка». Семья долго обсуждала целесообразность продолжения музыкальной карьеры. В итоге решили, что, хотя у него были все данные и он уже достиг немалых успехов, его профессионализм не настолько высок, чтобы рискнуть и попытаться покорить музыкальные вершины. Музыка как первая специальность была исключена. Уже в конце своей жизни в разговоре с Бобом Малланом Лэйнг будет вспоминать об этом выборе:

Пожертвовал бы ты чем-либо, книгами и всем остальным, если бы мог писать музыку?

Я ничем не жертвовал бы, чтобы быть Горовицем, и жертвовал бы всем, чтобы стать Шопеном или Скрябиным. <...> У меня было очень отчетливое ощущение, что, пока мои способности были такими, какие они были тогда, на это не нужно тратить той массы времени, которую бы можно было потратить на то, в чем я мог бы достичь больших успехов. Я чувствовал, что то, в чем мне нужно совершенствоваться и для чего необходимо прилагать все усилия, – это исследование жизни и писательство³⁰.

У всех перед глазами был пример тетушки Изабеллы, сестры отца, чья певческая карьера в Лондоне так и не состоялась. Но Рональд все еще музицировал вместе с органистом часовни университета Глазго и давал уроки фортепиано в школе Джулии Оммер. Впоследствии он вспоминал, что двое-трое преподавателей музыки в Глазго были его учениками.

Школьный преподаватель Лэйнга говорил, что уровень его образования в греческом и латыни соответствует уровню магистра, но на эту карьеру он также не решился. Он решил выбрать медицину:

Это было одно из тех занятий, которое одобряли мои родители и которое открывало путь к тайным ритуалам рождения и смерти и давало доступ к знанию сексуальности. Кроме того, в учебном плане университета не было ничего такого специфического, как философия или психология. Последние были сопряжены с самосовершенствованием, и к тому же я не знал ни одного философа или психолога, преподающего в каком-либо из университетов Великобритании, и моя осведомленность не простиралась за берега Британских островов... Я даже не видел большей части Глазго. Я не мог представить себе Достоевского, учившегося литературе в университете. Но я мог представить себе такого человека, учившегося медицине³¹.

Медицина давала возможность не только стать ученым, но и обратиться к реальности, соприкоснуться с рождением и смертью, с болезнью и болью, с социальной действительностью, она позволяла исследовать человеческий разум. Тогда все эти вопросы волновали Лэйнга. Поэтому он и выбрал медицинский факультет университета Глазго.

³⁰ Mullan B. Mad to be Normal. P. 69.

³¹ Из неопубликованной работы «Фрагменты автобиографии». Цит. по: Laing A. R. D. Laing: A Biography. P. 33–34.

Медицинский факультет

Университетские годы, с октября 1945 г. по февраль 1951 г., – это время профессионального созревания Лэйнга. И хотя в это время он все еще живет в доме родителей, эти годы становятся годами свободы и постоянного общения со сверстниками.

Несмотря на отказ от музыки как от профессиональной карьеры, она не уходит из жизни Лэйнга. Он продолжает играть, но теперь уже или для отдохновения, или чтобы подзаработать. У него был большой репертуар: от классики до непристойных песенок, – и это позволяет ему развлекать самую разную публику на свадьбах, днях рождения и других мероприятиях.

Однако в первое время обучения на место музыки как всепоглощающее увлечение пришел спорт. Спорт стал способом объединения с друзьями и приятелями: Лэйнг увлекался крокетом, теннисом, альпинизмом, ориентированием на местности. Занимался он и легкой атлетикой, однако на первом курсе в состязании с Дублинским университетом во время забега у него случился астматический приступ, и от легкой атлетики, а также от регби и всех видов спорта, требующих интенсивного и долгого напряжения, пришлось отказаться. На втором курсе Лэйнг вступает в университетский клуб альпинизма. Хотя он и не участвовал в рискованных вылазках, он с удовольствием присоединялся к этой группе в относительно безопасных прогулках, покорив, например, самую высокую гору Шотландии Бен-Невис и гористые области Инвернесса. Приятель-альпинисты вспоминали о нем как о смелом, веселом и необычном парне, а один из них – Норман Тодд – впоследствии говорил, что тогда Лэйнг носился с идеей о связи между гениальностью и безумием и всячески досаждал ею во время вылазок. В альпинистском клубе Лэйнг познакомился с Аароном Эстерсоном, с которым впоследствии напишет совместную книгу но тогда, в студенческие годы, они были лишь приятелями.

Забота о здоровом теле при этом не мешает заботе о здоровом духе. В университетские годы Лэйнг со своими приятелями создает Сократический клуб, призванный обеспечить площадку для свободного обсуждения различных, преимущественно философских и теологических, вопросов и проблем. Он пишет письмо Бертрану Расселу и просит его стать почетным президентом клуба, через некоторое время он получает согласие. В клубе собиралось человек 10–20, обычно бывали и приглашенные: генетики, химики, поэты и писатели. Клуб знакомил и примирял людей различных слоев общества и убеждений, обеспечивал общение с известными в академическом и культурном мире людьми. В Клубе шли оживленные дебаты, и Лэйнг, как вспоминали впоследствии его приятели, был одним из самых запоминающихся участников: с широкой эрудицией и искрометным умом. Примечательно, что этот Клуб просуществовал достаточно долго – до 1970-х гг.

Занятия спортом, студенческие вечеринки, интеллектуальное общение в Сократическом клубе часто сопровождалось распитием бутылочки-другой, и в этом Лэйнг ничем не отличался от своих сверстников. Его университетский приятель Майк Скотт вспоминает, что однажды, выпив, они держали с Лэйнгом весьма любопытную теннисную партию: никто не был в состоянии следить за счетом, поэтому играли на выживаемость, от рассвета до заката весь день, выясняя, кто дольше протянет. Его знакомые считали, что тогда он пил не больше и не меньше, чем остальные, хотя его сын Адриан Лэйнг и отмечает: «Неумеренное пьянство было закономерным продолжением трудового дня»³². Сам Лэйнг описывал те времена по-другому:

Выпивали достаточно редко, поскольку тогда у меня совершенно не было денег и больше чем на редкую выпивку мне не хватало. В альпинистский клуб Глазго, кроме меня, входило два-три человека, с рюкзаками за спиной мы путешествовали автостопом по Ломонд Род, останавливаясь на ночлег в

³² Laing A. R. D. Laing: A Biography. P. 37.

молодежном общежитии, и субботней ночью посещали местный сельский паб в Крианларахе; это все, что мы могли себе позволить, – я имею в виду, что шесть пинт пива были абсолютным пределом.

Я не думаю, что мог себе их позволить, я выпивал где-то пару пинт. Иногда можно было позволить себе один виски, но его цена была равна стоимости проезда на трамвае в течение половины недели...³³

Однако уже этот эпизодический опыт употребления алкоголя открыл для Лэйнга двери сознания, и оказалось, что это очень притягательное переживание:

Первый раз в жизни я напился в стельку в Крианларахе, это произошло в ночь с субботы на воскресенье во время уикенда в горах, куда я, студент первого курса медицинского факультета, приехал с клубом альпинистов университета Глазго.

В тот вечер я накачался непомерным количеством рома, джина, виски, пива и гиннеса. И вот я лежу ничком на проселочной дороге в одиннадцать вечера, уткнувшись лицом в слякоть, снег, собственную блевотину, и ни души кругом: только я и звезды.

О том, чтобы перевернуться навзничь или приподняться, не может быть и речи.

Мир вращается. Я зависаю над ним. Безуспешно пытаюсь пошевелить пальцами, надеясь вцепиться в землю, предотвратить падение в пустоту.

Все бесполезно. Ну и пусть. Закрыв глаза, я мог хоть где-то, наконец, оказаться.

На самом деле там и быть не могло никакого я. Просто вихревое кружение рассеянных частиц³⁴.

Несмотря на такую интенсивную жизнь за стенами университета, не забывал Лэйнг и об учебе. Университетские годы стали годами самоопределения – из всех медицинских наук ему почти сразу же приглянулась психиатрия. Он посещал заседания семинара на Дьюк-стрит и заседания Медико-хирургического общества, часто организовывавшего для студентов посещение Гартнавельской психиатрической больницы. Для многих его сверстников это было занятным развлечением, сродни посещению Бедлама, однако Лэйнг относится к этим визитам более чем серьезно. На первой же лекции он наблюдал на кафедре двоих беседовавших друг с другом людей, один из них был профессор Макнивен, а другой – пациент. Только вот Лэйнг обманулся: он на полном серьезе полагал, что больной именно тот, кто оказался профессором – никаких внешних опознавательных атрибутов на этих двух мужчинах не было. Вот так уже в молодом возрасте он невольно понял, что отличия в этом пространстве относительны.

В то же время Лэйнг серьезно задумался над этическими вопросами науки, над теми нормами, которые приняты в научном сообществе и обществе вообще, и над происхождением этих норм. В курсе анатомии в те времена студентам демонстрировались учебные фильмы, показывающие суставные движения, работу пищеварительного тракта и пр. Это были экспериментальные фильмы, снятые нацистами в лагерях уничтожения по технологии поккадровой съемки. В конце войны их изъяли британцы и в послевоенное время использовали в медицинских университетах. Лэйнг был поражен этой ситуацией:

Мы вместе с моим другом Джоном Оуэнзом вышли из аудитории. Остальные двести студентов оставались сидеть и смотрели с нескрываемым интересом. У нас это вызвало только отвращение и возмущение. Мы пошли

³³ Mullan B. Mad to be Normal. P. 70.

³⁴ Лэйнг Р. Д. О важном. С. 260–261.

к профессору Гамильтону и попытались усовестить его: «Мы смотрим фильм о людях, засвеченных до смерти! Как Вы можете использовать это как обучающий материал?»

«Да, я знаю. Я совершенно согласен с вами. Но это уникальный обучающий материал. Если мы не используем его, их смерть окажется напрасной». <...>

Этот инцидент укрепил тот ужас, который я испытывал перед людьми, ужас от самих фильмов, от разума их создателей, разума, стоящего за бюрократической и научной реальностью, остающейся толерантной и слепой к злу социальной машинерии, его распространителям и разработчикам³⁵.

Вопросы о том, каким образом люди превращаются в управляемую толпу и верят всему, что им говорят, привели Лэйнга к гипнозу. Он входил в группу исследователей-любителей, стремившихся изучить гипноз в теории и на практике. Они встречались раз в неделю и гипнотизировали друг друга, а также прибегали к помощи тех, кто позволял экспериментировать на себе. В этом деле Лэйнг был весьма успешен: с помощью стандартных методов он мог вызвать состояние транса, что впоследствии пригодилось ему при работе с пациентами. Опыт транса он испытал и на себе. Он интересовался гипнозом как методом, феноменом, ставящим специфические вопросы, и никогда не увлекался им как практикой изменения сознания. Он был знаком с работами по гипнозу Фрейда и Брейера, с французской школой гипноза, знал о практике использования гипноза в хирургии, однако сам по себе гипноз его не увлекал.

Упражнения в гипнозе еще больше озадачили Лэйнга, поставив перед ним проблемы пределов внушаемости и доверия ощущениям, направленного воздействия общества на человека и власти социальных структур, взаимосвязи ощущений и разума, слепоты и игнорирования невежества, нашей свойственной каждодневной жизни веры в ясность сознания. Эти переживания и сомнения подкрепило и столкновение с феноменом спиритизма. Однажды вместе с приятелем Лэйнг отправился на спиритический сеанс. Войдя через черный ход, они услышали слова женщины-спирита: «К нам присоединились два юноши. Мы давно ждали их. Они студенты-медики... У одного из них есть тетя Мизи. У другого... в левом кармане лежит записная книжка, и в ней на такой-то странице значится такой-то телефонный номер». Приятель Лэйнга с ужасом открыл свою записную книжку и обнаружил именно то, что говорила эта незнакомая женщина. Как впоследствии вспоминал сам Лэйнг, они не знали ни одного из пятидесяти присутствующих, и никто не был знаком с ними.

Тогда же Лэйнг заинтересовался проблемой связи медицины и философии. В медицинском журнале университета «*Surgo*» были опубликованы две его работы: «Философия и медицина» (июнь 1949 г.) и доклад перед Медико-хирургическим обществом «Здоровье и общество» (февраль 1950 г.). Другое его эссе «Здоровье и счастье» было признано лучшим в 1948/1949 учебном году и вознаграждено денежным призом в 25 фунтов стерлингов.

В университете была не только учеба. Здесь Лэйнг повстречал и свою первую любовь – студентку из Анси, француженку, симпатичную и начитанную Марсель Винсен, изучавшую в Глазго английский язык. Как он будет вспоминать впоследствии, она была первой женщиной в его жизни, читавшей Кафку. Марсель происходила из приличной семьи: ее отец был последователем французского социалиста Леона Блюма и играл весьма заметную роль в движении Сопротивления. Это был самый бурный и самый трогательный роман в его жизни. Они любили друг друга, не разлучались ни на мгновение и собирались всю жизнь пройти рука об руку. Марсель подарила Лэйнгу удивительную поездку в Париж. Тогда он впервые был в столице Франции, они подолгу гуляли по ее улочкам, разговаривали в кафешках, а по ночам предава-

³⁵ *Laing R. D. Wisdom, Madness and Folly. P. 92.*

лись любви. Она была его первой женщиной, он был ее первым мужчиной. И эти три недели любовного упоения Лэйнг будет вспоминать многие годы.

В письмах к Марсель Лэйнг излагал и свои первые профессиональные размышления. Так, где-то в 1950 г. он пишет о молодом человеке двадцати восьми лет, писателе, муже и отце. Его симптоматика и его понимание своего заболевания цепляет Лэйнга. Он, анализируя случай в основном с психоаналитических позиций, уже намечает ясперсовско-хайдеггерианские идеи о подлинности и ложном существовании, которые впоследствии лягут в основу его первой книги:

Он жил случайными доходами, писал, что хотел написать: хорошо, талантливо, но за это ему ничего не платили. Он взялся писать для женских журналов и пр. Зарабатывал порядка двух тысяч фунтов в год и имел успех. Недавно ему стало трудно концентрироваться на работе, трудно начинать, он стал раздражительным, начал злиться на жену и оскорблять ее. Потом, правда, он раскаивался; после комиссии он был направлен на лечение.

Став его психиатром, я смог сформировать свое мнение об этом случае. Фундаментальная проблема – это его неумение приспособиться к внешним обстоятельствам. Он впервые в жизни успешен, у него есть любимая жена и ребенок. Но очевидно, что он недостаточно талантлив, чтобы зарабатывать на жизнь высокой литературой. Он не может одновременно и признать этот факт, и, как это часто происходит, принять успех. Корни его неспособности принять успех могут быть обнаружены в вине, являющейся результатом комплекса кастрации и т. д. Это можно открыть ему, а он может смириться со своей судьбой и приспособиться к ней.

С другой стороны, можно увидеть, что он на самом деле страдает от вины, но не вины как результата подавления эго со стороны супер-эго, а той вины, которая появляется, когда человек игнорирует или отрицает свои настоящие, подлинные возможности и отказывается увидеть то, что происходит. Эта трактовка не обязательно исключает первую, но в первой (ортодоксальной фрейдистской) нет ничего, что указывает на вторую³⁶.

Учебу в университете и первые поиски дополнял, разумеется, и первый клинический опыт: первый опыт столкновения с болезнью и смертью, с реальностью больницы.

Первой хирургической операцией, на которой Лэйнг присутствовал, стала весьма сложная операция по ампутации ноги вследствие развившейся гангрены. У больного было слабое сердце и легкие, и считалось, что после общей анестезии он не выживет. Решено было сделать заморозку. Перед операцией больному, кроме того, должны были дать выпить бутылку виски, однако дежурная медсестра дала всего сто граммов. Заморозка также не дала желаемого эффекта. Поэтому ампутация была произведена на живую. В том же хирургическом отделении большое впечатление на Рональда произвел больной с прогрессирующим оссифицирующим миозитом, характеризующимся развитием окостенения скелетных мышц. Он мог перемещать взгляд только по горизонтали – справа налево, не мог не то что говорить, но даже шевелить языком, его диафрагма практически не двигалась, он питался через трубку, и его мышцы практически полностью окостенели. Это столкновение с ужасающей реальностью болезни и практической медицины шокировало Лэйнга:

Это вселяло дикий ужас и страх. Это было генетическое заболевание. Оно не могло быть следствием человеческой ошибки, человеческого зла. Эти жуткие болезни, которые я увидел, совершенно отвратили меня от всякого Бога, который, как предполагалось, был исключительно всемогущ и добр. Если

³⁶ Mullan B. R. D.Laing: Creative Destroyer. London: Cassell Books, 1997. P. 78.

Он был всемогущ, как Он мог быть добр, если на Нем лежала ответственность за такое страдание? <...> Жизнь была абсурдом. Мы были абсурдом...³⁷

Уже в университете Лэйнг познакомился с буднями психиатрических больниц. В течение трех месяцев во время обучения он стажировался в психиатрическом отделении Больницы на Дьюк-стрит. Уровень психиатрической помощи оставлял там желать лучшего, использовался весь спектр бытовавших тогда методов: инсулиновые комы, медикаментозная терапия и пр. Однако заведующий отделением уже шел на шаг впереди по отношению ко всему остальному психиатрическому миру: он был активным противником электрошока, и электрошок в отделении был строго-настрого запрещен.

В общем, Лэйнг был весьма успешным студентом, все ожидали блестящей сдачи выпускных экзаменов в начале 1950 г. Но неожиданно он провалил абсолютно все испытания, что по тем временам было практически неслыханным позором. Сам он тогда объяснял провал лишь одной своей особенностью – он иногда путал левое и правое, а также дозы лекарств, поэтому на экзамене в ответ на вопрос о дозировках барбитуратов выказал полнейшее смятение, не назвал и дозировки аспирина. Его словно переключило. При повторной попытке в конце декабря 1950 г. все экзамены были успешно сданы. И 14 февраля 1951 г. Рональд получил диплом выпускника медицинского факультета университета Глазго.

Между этими двумя попытками Рональд работает в психиатрическом отделении больницы в Стобхилле, в пригороде Глазго. Здесь на лечении находилось около восьмидесяти пациентов (40 мужчин и 40 женщин), больных летаргическим энцефалитом. Именно здесь он окончательно понимает, чем он хочет заниматься дальше: неврологией, нейропсихиатрией, психиатрией и гипнозом.

Надо сказать, что родители восприняли этот выбор без восторга. Отец просто не знал, что это за наука, мать же считала, что психиатрия имеет дело лишь с «грязью», набитой в людских головах, ибо таким словом она обозначала любые отклонения от того, что она считала нормальным. И вот ее сын, вместо того чтобы стать настоящим врачом-хирургом, решил возиться в этой грязи³⁸.

³⁷ *Laing R. D. Wisdom, Madness and Folly. P. 100.*

³⁸ *Mullan B. Mad to be Normal. P. 50.*

Климат эпохи, климат психиатрии

Когда Лэйнг пришел в медицину и в те времена, когда он выбрал психиатрию, эти области переживали времена трансформаций, и трансформации эти во многом были движимы социально-экономическим и интеллектуальным климатом пятидесятых-шестидесятых. В 1967 г. в работе «Политика переживания» он напишет: «Во взглядах на проблему психического здоровья и психической болезни происходит перманентная революция как в рамках самой психиатрии, так и за ее пределами. Клинический подход уступает место позиции, соединяющей в себе экзистенциальный и социальный подходы»³⁹. Начался этот процесс в начале века и к 1960-м достиг своей кульминации.

Одним из поворотных событий на пути к трансформациям стало развитие психоанализа. Психоанализ являлся первой маргинальной теорией, не вписывающейся ни в одну из областей медицинского знания. Возможно, именно по этой причине он занял одно из центральных мест в процессе интеграции философии и психиатрии в XX в. Он во многом подготовил развитие антипсихиатрии в силу двух особенностей. Во-первых, в своем пространстве он впервые соединил медицину и психиатрию с философской и общегуманитарной мыслью, представив первый опыт гуманитаризации учения о психической патологии. Во-вторых, вследствие такого соединения Фрейд выработал специфическое учение о микросоциальных и внутриспсихических предпосылках неврозов. Стало быть, психоанализ представил первый опыт маргинальности как по своему статусу, так и по содержанию.

Дело в том, что метод Фрейда был не философским и не психологическим, а клиническим, медицинским. Как подчеркивает Л. Бинсвангер: «Чтобы правильно понимать великие идеи Фрейда, не нужно, следовательно, исходить из психологии – ошибка, которую я сам делал некоторое время. <...> Но если понятия понимаются – как желал Фрейд – биологически, тогда они легко вписываются в психиатрическую мысль...»⁴⁰. «Соратник» Лэйнга по антипсихиатрическому движению и его критик Томас Сас в ряде работ анализирует роль психиатрии на рубеже веков. Тогда психиатрия была отделена от неврологии. При этом психиатрия несла функцию ограждения общества от безумных. Неврология, в свою очередь, имела дело с органическими поражениями. Еще Ж. Шарко, оказавший значительное влияние на Фрейда, пытался найти органическую подоснову истерических параличей. В конце XIX столетия быть психиатром означало работать врачом в государственной психиатрической системе. Фрейд никак не мог быть психиатром, он был лишь невропатологом. Но к неврологии, как к чистой медицине, душа у Фрейда не лежала. По этой причине он предложил метод психоанализа, маргинальный по отношению как к психиатрии, так и к неврологии⁴¹.

С опорой на маргинальный по своему статусу метод Фрейд вывел изучение психического заболевания из предметной области неврологии и психиатрии, указав на возможность создания междисциплинарной теории. Отталкиваясь от описания причин психической патологии (для Фрейда главной психической патологией была истерия), эта маргинальная теория пыталась не только объяснить патологию, но и дать целостную картину функционирования человека в мире. Именно целостную, поскольку психоанализ не принадлежал ни к одной научной дисциплине и не мог, соответственно, использовать конкретно-научную методологию и термины. Тем самым Фрейд, вольно или невольно, сделал первый шаг на пути к гуманитариза-

³⁹ Лэйнг Р. Д. Феноменология переживания / Пер. Е. Н. Махнычевой // Феноменология переживания. Райская птичка. О важном. Львов: Инициатива, 2005. С. 116.

⁴⁰ Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М.; СПб., 1998. С. 173.

⁴¹ Szasz T. S. Remembering Krafft-Ebing // Ideas on Liberty. 2000. № 50. P. 31.

пии науки о душевных болезнях, а впоследствии – к сближению клинического и медицинского способов мышления. Все частные достижения Фрейда служат тому доказательством.

Фрейд впервые попытался описать не просто клиническую картину истерии как набора симптомов, а «истерическое» бытие в мире. И Лэйнг это прекрасно понимал. Психоанализ Фрейда впервые приоткрыл внутренний мир психически больного, описав психопатологию как переживание, но тут же создал теорию, которая исключала всякую возможность увидеть и понять это переживание.

Как известно, Фрейд начал свою клиническую деятельность в рамках немецкой традиции, которая всегда давала психическим расстройствам анатомические и физиологические объяснения. Именно естественно-научное понимание человека и лежит в основе положения о механистической инстинктивной детерминации психической жизни. Л.Бинсвангер подчеркивает:

Редукционная диалектика, которую Фрейд использовал для создания своей теории человека, – это до последней детали диалектика естествознания⁴².

При этом Фрейда как естествоиспытателя интересовал вопрос о том, как вещи стали таковыми, а не о том, какими они были в действительности (проблема истории) или какие они есть в действительности (проблема психологии). В итоге получилась концепция естественного человека и его инстинктивной природы.

Преодоление ограничений метода и теории Фрейда толкало исследователей на поиски новых решений и выдвижение новых гипотез. Построить целостную теорию функционирования человека в мире на основании психоанализа, как показала его критика, невозможно. Лишь только когда выберут другой вектор «от философии» (после обращения к феноменологии и экзистенциализму), будут частично преодолены ошибки Фрейда. Но для этого необходимо, чтобы возникла возможность совместить клиническое мышление с философским, чтобы сама психиатрия пошла по пути гуманитаризации.

XX в. приносит психиатрии новый диагноз. В 1911 г. Юрген Блейлер вводит термин «шизофрения»⁴³, которым обозначает группу психозов, объединенных на основе трех общих характеристик: а) расщепления психических функций на независимые комплексы (впервые используется термин «схизис»), б) ассоциативных расстройств и в) аффективных расстройств. Тем самым Блейлер впервые в истории психиатрии предлагает определять шизофрению по «невидимым глазу» признакам, не по синдромам, а по стертым симптомам.

Введением этого термина он одновременно и укрепляет позиции психиатрии как закрытой науки, и расшатывает их. Ю. В. Каннабих пишет:

Блейлер стоит на рубеже новейшей эпохи. Шизофрения, учил он, гораздо чаще протекает в скрытых формах с мало выраженными признаками, чем в формах явных с законченной симптомологией. <...> В этих мыслях сказалось характерное знамение времени: психиатрия вышла из стен своих специальных больниц и в виде «малой психиатрии» проникла в самую гущу повседневной жизни⁴⁴.

Шизофрения стала основной темой творчества Лэйнга и самым распространенным диагнозом психиатрии 1960-х. Алек Джернер даже подчеркивает, что, возможно, этот всплеск

⁴² Бинсвангер Л. Ibid. С. 140.

⁴³ Bleuler E. Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien. Leipzig, u. Wien: Deuticke, 1911.

⁴⁴ Каннабих Ю. В. История психиатрии. М.; Мн.: Харвест, АСТ, 2002. С.498.

шизофрении был вызван неким неизвестным вирусом, аналогичным вирусу летаргического энцефалита 1930-х гг.⁴⁵

В третьем издании работы «Аутистически недисциплинированное мышление в медицине и его преодоление» Блейлер причисляет к сопутствующим чертам аутистического мышления создание внутреннего фантастического мира, обладающего не меньшей реальностью, чем внешний⁴⁶. В «Руководстве по психиатрии» он замечает:

Шизофреники теряют контакт с действительностью, в легких случаях мало заметно, кое-когда, в тяжелых случаях целиком... Они живут в воображаемом мире, полном осуществленных желаний и идей преследования. Однако оба мира представляют для них реальность; иногда они могут сознательно их различать. В других случаях аутистический мир для них более реален, а другой мир только кажущийся. Реальные люди это «маски», «наскоро сделанные люди» и т. п.⁴⁷

Тем самым Блейлер впервые в истории психиатрии описывает внутриспсихическую реальность душевнобольного человека, открывает ее.

После открытий Блейлера изучение внутреннего мира шизофрении и сравнение его составляющих с внутренним миром нормального человека осуществляется в исследованиях творчества душевнобольных. В 1922 г. выходит работа Ханса Принцхорна «Художества душевнобольных». Эта работа резко отличается от аналогичных работ, выходивших ранее. Принцхорн рассматривает творения душевнобольных не как признаки и симптомы болезни, а как самостоятельные произведения искусства. Он сравнивает мышление и творчество шизофреников с творчеством детей, авангардом и примитивным искусством. Такие сравнения, по его мнению, «стирают контуры любого понятия патологии, потому что они ищут общий элемент во всех психических явлениях, поэтому, в конце концов, они непременно разрушают „патологические картины“ и постоянно рискуют выйти на простор общечеловеческих стремлений»⁴⁸. Ж. Гаррабе указывает, что эта работа знаменует точку разрыва в культурной истории шизофрении. По его мнению, после выхода этой книги прилагательным «шизофренический» обозначают и иррациональную манеру поведения, и манеру творчества художников, и определенную форму психоза. В результате термин «шизофренический» выводится за пределы узкой области психиатрии.

В работе «Стриндберг и Ван Гог» психиатр и философ Карл Ясперс поднимает сходную проблему. Он анализирует творчество четырех великих «шизофреников»: Э. Сведенборга, И. Х. Ф. Гельдерлина, А. Стриндберга и В. Ван Гога. Данная работа примечательна тем, что в ней звучит мысль, которая впоследствии будет развита в экзистенциальном анализе Бинсвангера и в антипсихиатрии Лэйнга. Говоря о начальном периоде развития шизофрении, Ясперс указывает, что в этот момент для человека открывается некая «метафизическая глубина»:

...Демоническое существование, это вечное преодоление и всегдашняя наполненность, это бытие в ближайшем отношении к абсолютному, в блаженстве и трепете и, несмотря на это, в вечном беспокойстве, – совершенно независимо от нас проявляется психозом. То есть складывается такое впечатление, словно бы это демоническое, которое в здоровом человеке приглушено, упорядочено, включено в долгосрочную целенаправленную

⁴⁵ См.: Clarke L. The Time of the Therapeutic Communities: People, Places, Events. London – New York: Jessica Kingsley Publishers, 2004. P. 45.

⁴⁶ Блейлер Ю. Аутистическое мышление. – Одесса: Полиграф, 1927.

⁴⁷ Блейлер Ю. Руководство по психиатрии. М.: НПА, Смысл, 1993. С. 314.

⁴⁸ Цит. по: Гаррабе Ж. История шизофрении / Пер. с фр. А. Д. Пономарева. М.: СПб., 2000. С. 57.

деятельность, может в начале душевной болезни с огромнейшей силой прорваться на поверхность⁴⁹.

Эта глубина, по мнению Ясперса, у творческих шизофреников объективируется, опредмечивается в произведениях искусства.

Эта позиция выражает совершенно новый взгляд на шизофрению: творчество шизофреников уже не рассматривается как выражение симптомов их болезни. Как подчеркивает Ясперс, «шизофренический процесс – это фактор, влияющий на творчество, но не придающий этим шизофренического характера самому творению»⁵⁰. Поэтому если мы говорим о произведении искусства как о выражении душевного порыва, его никак нельзя рассматривать как следствие патологии, поскольку, по справедливому утверждению Ясперса, дух пребывает по ту сторону противопоставления здорового больному. Таким образом, Ясперс, как и Принцхорн, приходит к выводу о том, что обращение к творчеству безумцев снимает не только вопрос о произведении искусства как о выражении симптомов болезни, но и вообще стирает грань между психической нормой и патологией.

Тем самым психоанализ и междисциплинарные теории психиатрии в первой половине XX в. приводят к гуманитаризации клинической психиатрии. Проблематика клинических исследований начинает пересекаться с проблематикой гуманитарных наук. Эти явления (сближение клинического и гуманитарного) составляют начальный этап процесса интеграции философского и клинического. Следующим шагом на этом пути станет обращение клиники к философии, что приведет к развитию экзистенциально-феноменологической психиатрии.

Составляющие экзистенциально-феноменологическую психиатрию феноменологическая психиатрия (К. Ясперс, Э. Минковски, В.Э. фон Гебзаттель, Э. Штраус) и экзистенциальный анализ (Л. Бинсвангер, М. Босс, Р. Кун и др.) в качестве своего основного достижения, продолжая идеи феноменологии Э. Гуссерля, закрепили за безумием онтологический статус. Для представителей этих направлений реальность патологических фантазий больного стала неопровержимой реальностью опыта. Как писал Э. Штраус: «Реальное – это то и только то, что затрагивает и захватывает переживающего человека. „Реальное“ означает „произошедшее со мной“. При этом оно не обязательно должно соответствовать установленным законам природы. Нереального как возможности или вероятности не существует»⁵¹.

Феноменологические психиатры и экзистенциальные аналитики стали рассматривать психически больного человека не как носителя определенного набора патологических симптомов и синдромов, которые психиатру необходимо зафиксировать и описать, но как человека со специфическим бытием. При этом в качестве методологии такого исследования начиная с Карла Ясперса стали использовать методы понимания и описания. Понимающая и описательная психология в пространстве психиатрии стали ориентироваться на исследование внутреннего мира больного, отбросив его естественно-научную трактовку как объекта исследования. Теперь нужно было понять больного, «понять» – значит по возможности пережить его опыт как свой, даже если это и с трудом возможно, «понять» – значит осмыслить этот опыт на основании его самого, изнутри его самого, посмотрев на него как на непосредственно данное переживание, не апеллируя к научной объективности. Этот непосредственно данный опыт необходимо было не только понять, но и зафиксировать, не обращаясь к опосредованности теорией, но так, как он видится самому больному.

В результате использования такой методологии в психиатрии феноменологические психиатры и экзистенциальные аналитики стали описывать психическое заболевание как спе-

⁴⁹ Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог / Пер. Г. Ноткина. СПб.: Академический проект, 1999. С. 185.

⁵⁰ Там же. С. 178.

⁵¹ Штраус Э. Феноменология галлюцинаций / Экзистенциальная психология. Экзистенция / Пер. с англ. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. М.: ЭКСМО, 2001. С. 139.

цифический модус опыта или бытия, который отличается своей особой организацией пространства и времени. Исследования феноменологических психиатров и экзистенциальных аналитиков стали ориентироваться на поиск некой априорной структуры патологического опыта.

Продолжив в психиатрии идеи Эдмунда Гуссерля и Макса Шелера, Мартина Хайдеггера и Анри Бергсона, описательной психологии Вильгельма Дильтея и марбургского неокантианства, экзистенциально-феноменологическая традиция произвела эпистемологический переворот в психиатрии. Она заставила посмотреть на психически больного как на человека с его страданием и болью, а на психиатрию – как на несовершенную практику, которая в обязательном порядке должна быть преобразована на основании философской парадигмы.

Эти экзистенциальные поиски в психиатрии XX в., которые имели решающее значение для формирования воззрений Лэйнга, вследствие гуманитаризации психиатрии дополнялись обилием социальных теорий, причем социальное осмысление психического заболевания первоначально было связано с этнографическими и транскультурными исследованиями и началось в 1920-1930-х гг. В это время наибольшую актуальность приобрело изучение особенностей мышления и сознания в примитивных культурах. Достижения этнологов привели психиатров к закономерному вопросу о том, отличаются ли симптомы психических расстройств у представителей различных обществ и культур, одновременно началось исследование этноспецифичных психических заболеваний.

Уже в 1934 г. в статье «Антропология и аномальное» Рут Бенедикт указывает, что критерием нормальности является соответствие взглядам социальной среды, которая окружает индивида⁵². В том же году Джорж Герберт Мид настаивает на том, что девиантное поведение является прежде всего социальной проблемой и выражает нарушение социальных норм и ожиданий⁵³. М.Херсковиц, основываясь на исследованиях Бенедикт, предлагает термин «инкультурация». Под этим термином он понимает вхождение индивида в конкретную культурную среду, которая впоследствии определяет мышление, модели поведения и восприятие реальности. Инкультурация находится в тесной связи с формированием представлений о норме и патологии. В работе «Культурная антропология» Херсковиц указывает, что окончательное определение того, что нормально и что ненормально, зависит от организации отношений в культуре⁵⁴.

В 1939 г. этнолог и психоаналитик Жорж Деверо, считающийся родоначальником этнопсихиатрии, на основании проведенных этнологических исследований (индейцы хопи, папуасы Новой Гвинеи, племя седанг и др.) предлагает социологическую теорию шизофрении⁵⁵. Он пытается ответить на вопрос, почему шизофрения спонтанно возникает у человека, тогда как для того, чтобы вызвать сходные изменения у животных, нужны долгие экспериментальные воздействия. Шизофрения, по Деверо, является следствием дезориентации в изменяющейся социокультурной среде, но сама среда не может быть при этом причиной шизофрении. Отвлекаясь от узкого понимания шизофрении, Деверо говорит о том, что современная цивилизация сама страдает от социополитико-экономической формы шизофрении, ложного и нереалистического восприятия окружающего мира. Представление о реальности в этом случае подобно архаическим формам мышления, которые допускают возможность псевдоориентации в сверхъестественном мире, если ориентация в реальном мире невозможна. Именно поэтому некоторые черты и симптомы шизофрении воспроизводят различные обычаи и ритуалы. По мнению Деверо, шизофрения – это этнический психоз нашей культуры, им страдают все: как врачи, так и пациенты. По этой причине невозможно определить ни анатомический субстрат

⁵² Benedict R. Anthropology and Abnormal // Journal of General Psychology – 1934. Vol. 10. P 59–80.

⁵³ Mead G. H. Mind, Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviourist. Chicago: University of Chicago Press, 1934.

⁵⁴ Herskovits M. Cultural Anthropology. New York: Knopf, 1955. P. 356.

⁵⁵ Devereux G. Une theorie sociologique de la Schizophrenie / Essais d'ethnopsychiatrie generale. P.: Gallimard, 1970. P. 215–247.

шизофрении, ни ее органическую этиологию, ни излечить от нее. Избавиться от шизофрении можно лишь путем культурной революции.

Изучение роли семейной ситуации в развитии психических заболеваний продолжается в психоанализе. Такие психоаналитики, как К. Юнг, К. Хорни, Г. Когут, М. Кляйн, А. Фрейд, предлагают собственные психоаналитические гипотезы возникновения безумия. Кроме того, социальные катаклизмы XX в. способствуют социологизации психиатрии. В 1950-е гг., университетские годы Лэйнга, только что закончившаяся мировая война оставила огромное число покалеченных судеб и характеров. У тех, кто вернулся с фронта, часто наблюдались психологические изменения, а иногда и психические расстройства. Психиатры все чаще и чаще стали задумываться не только о психологических, но и о социальных причинах психических расстройств, поэтому послевоенное время – это всплеск социологических теорий психического заболевания.

За социологическими и социально-психологическими теориями последовали исследования и эксперименты. Одним из первых стало проведенное в Америке исследование А. Стантона и М. Шварца «Психиатрическая больница», в котором больница впервые рассматривалась как целостная культура, проводилась оценка поведения персонала и его мотивации и было установлено, что трудности организации лечения часто связаны с проблемами принятия решений у персонала⁵⁶. При этом симптомы пациентов и динамика течения заболеваний связывались с организацией больницы, слаженность которой приводила, как предполагалось, к успешному лечению. Двумя годами позже И. Белкнап опубликовал результаты социально-ролевой структуры психиатрической больницы, в котором показал, что традиции стратификации поддерживаются ядром персонала, – теми, кто работает в больнице в течение всей жизни⁵⁷.

Лэйнг впоследствии утверждал, что он ничего не знал о других экспериментах и работах, в частности не был знаком с созвучным его идеям проектом социолога Эрвина Гофмана, который в конце 1950-х проводил исследования системы социальной стратификации и распределения социальных ролей в психиатрической больнице в Батесда, в Америке. Уже впоследствии он читал его работы «Приюты», но увидел лишь схожие идеи, ничего нового для себя он не почерпнул:

⁵⁶ Stanton A. H., Schwartz M. S. The Mental Hospital. New York: Basic Books, 1954.

⁵⁷ Belknap I. Human Problems of a State Mental Hospital. New York: McGraw-Hill, 1956.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.